

but могло бы генетически соотноситься с прл. *sall* (< **sald-*), если бы первое возводилось к **seldom*. Морфологически это вполне регулярно и совпадает с др.-прус. *salтан* и праслав. *sadlo*. Махек сравнивает *sadlo* с *sēbum*, имея в виду возведение последнего к *sēdhom* и сравнение *sadlo* с *saditi* 'садить', хотя сам же замечает, что в случае *saditi* + *lo* мы ожидали бы **sadilo*. К этому можно добавить, что *Nomina actionis* и соответствующие *Nomina acti* на *-lo* образуются от первичных глаголов с сохранением *e-* огласовки (*prędlo* < *pręsti*, *načędlo* < *načęti* и др.) (*Słownik prasłowiański* I, 104). Как хорошо видно из прилагаемого здесь списка Славского, *sadlo* < *saditi* оказывается единственным примером, в котором нарушается это правило.

- ²⁵ См.: *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978. 11. Здесь отдается предпочтение итальяскому влиянию на западнобалтийский языковой ареал. Действительно фонетическое, морфологическое и семантическое тождество латинской и прусской форм хорошо соответствует тако интерпретации. Разумеется, не может быть и речи о генетической соотнесенности, поскольку вводимые в игру языки не восходят к праедишству. И к тому же в данном случае речь идет о техническом термине.
- ²⁶ *Thurneysen R.* Handbuch des Altprussischen. Heidelberg, 1909, 125.
- ²⁷ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 338.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: *Milewski T.* Stosunki językowe polsko-pruskie, SOc, XVIII, 1947. *Ненюкунный А. П.* Прусские славизмы и лексика кашубских и варминско-мазурских говоров польского языка. — *Baltistica* IX (2), 1973. Эти образцовые работы во многом помогают преодолеть трудности, связанные с проблемой польско-прусских языковых контактов.
- ³⁰ Здесь неоценимую пользу принесла великолепная работа В. Н. Топорова. Прусский язык. Словарь. А—Д, Е—Н, J—К. М., 1975—1980, к сожалению еще далекая от своего завершения; список Р. Траутмана (см. *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler, XIII) при всей его тщательности в настоящее время уже не удовлетворяет.
- ³¹ *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 154.

Л. В. Куркина

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(**kujati*/**kaviti* и **kzvati*/**kyvati*; **mug-*/**mž-*; **plesmo*, **ob-pletz*; **pqkati*, **pqčiti*/**pečiti*; **kujъ*/**kuja*; **tulz*, **tyls*, **tvelz*)

kujati*/kaviti* и **kzvati*/**kyvati*

Основание для реконструкции слав. **kujati* (*se*) дают некоторые лексемы, представленные преимущественно в западной части южнославянской языковой области. Это — хорв.-кайк. *kujati se* (XVI в., Белостенец, Вольтиджи) 'притворяться; опускать крылья' (Стулли) = *kūjati se* 'сердиться, дуться' = *raskūjati kokoše* (Водице) 'распугать кур' = *on kūja* (Црес) 'он дремлет' (Skok II, 224), *kujati* 'дремать сидя; недомогать, хворать' (RJA V, 752: со ссылкой на Стулли); словен. *kūjati se* 'дуться, сопротивляться; отказываться из противоречия; сторониться гнезда', *skujati* 'дуться, сердиться с намерением отступиться от обещания; пытаться нарушить договор', 'становиться

неверным; оставлять гнездо (о птице-самке) (Pleteršnik I, 485; II, 501). Отглагольными производными можно считать словен. *kūja*, с.-хорв. и диал. чакав. *kūja* 'сука' (Hraste—Šimunović, 468). Для этой южнославянской основы соответствие находят в укр. *куяти* 'медлить, колебаться'. Как самостоятельная и генетически тождественная указанная группа образований по существу выделяется лишь в словаре Скока. При истолковании слав. **kujati* (*se*) Скок исходит из идеи родства с рус.-цслав. *коуѣти* 'murmurare' (ср. еще ст.-слав. *коуѣти* то же in Supr hom — SJS 16, 86), которое рассматривается как звукоподражательное образование, родственное с.-хорв. *čavka* = *kavka* (~ алб. *kuja* 'путаница'). Такое же направление генетических связей для слав. **kujati* 'murmurare' с указанием возможных индоевропейских соответствий (др.-инд. *kāūti* 'кричит', греч. *κῶβα* то же) дается в словаре Бернекера (Berneker I, 638). Миклошич не дифференцирует указанное ю.-слав. **kujati* и ц.-слав. *коуѣти* 'murmurare', но сближает последнее с ц.-слав. *коуѣка* 'zelotyria' и таким образом включает в этимологическое гнездо слав. **kovati*, что представляется вполне оправданным и реальным (Miklosich 146; Miklosich LP, 321).

Трудности в интерпретации ю.-слав. **kujati* (*se*) обусловлены ослаблением и утратой мотивирующих его связей, изолированным положением в словарном составе славянских языков. Направление поисков этимологических связей во многом определяют особенности словообразовательной структуры изучаемого образования и тот искомый тип апофонических отношений, который позволяет надежно и непротиворечиво связать в единое целое разрозненные фрагменты славянской лексики. Если подойти со словообразовательной стороны к ю.-слав. **kujati* (*se*), то нельзя не обратить внимание на производный характер основы инфинитива: в инфинитиве **kujati* имеет место вторичная тематизация основы настоящего времени по типу **cuti*: **čujati*, **seti*: **sējati*, **bati*: **bajati* и т. п. (Słownik prasłowiański I, 46). Некоторые общие особенности структуры основы предопределяют сходный тип апофонических отношений для рассматриваемого нами **kuti*: **kujati* и слав. **kovati*, **kujo*. Тем не менее, вопреки Миклошичу, это этимологически разные образования, и ю.-слав. **ku(ja)ti* ничего общего не имеет с производными от основы настоящего времени гл. **kovati*, **kujo*, для которых прослеживается самая тесная связь с основным значением 'ковать'. Истоки ю.-слав. **ku(ja)ti* в другом этимологическом гнезде, но построенном по той же модели, что и **kovati*, **kujo*: **kъznъ*: **kuznъ*, **cuti*: **čeviti* (ср. блр. *чвѣць* 'бдѣть' — ЭССЯ 4, 99).

Ориентация на указанный тип апофонических отношений позволяет высказать предположение об этимологическом родстве ю.-слав. **ku(ja)ti* с с.-хорв. *kāvumi* 'слабеть, чахнуть; страдать' (РСА IX, 41). В семантическом плане обращает на себя внимание особая близость с.-хорв. *kāvumi* и хорв.-кайк. *kujati* 'дремать сидя; недомогать, хворать'. Для с.-хорв. *kāvumi* предлагаемое сближение более надежно и убедительно, чем сопоставление с звукоподражательными образованиями типа польск. стар. *kawić* 'делать глупости', слав. **kava* 'галка' (ЭССЯ 9, 165—166).

Можно думать, что другой вариант основы с корневым гласным в степени удлинения представляет слав. **kyvati* с общим значением 'качать головой; давать знак'. В славянских диалектах этот глагол обнаруживает более широкую и более подвижную семантику, во многих отношениях близкую слав. **kujati*. В этом нас убеждают рус. диал. *кивѣть* 'качать, шатать' (Смол.); ловить рыбу секушей (род удочки), *кивѣться* 'качаться, шататься, колебаться (Южн.); наклоняться (Олон.); ходить медленно (о больном) (Смол.); дремать; лениться' (Смол.) (Филин 13, 195), брян. *кивѣть* 'двигать', *кивѣться* 'качаться', *кивѣть* 'хиреть'¹, псков. *кивѣть* 'брыкаться; ловить рыбу удочкой; молотить цепом'², укр. *кивѣтися* 'качаться' (Гринченко II, 236), буков. **кивати* 'трогать без позволения', *кивѣтися* 'ворочаться во сне'; поспешать в работе'³, чеш. морав. *kiplat* 'качать, шатать'⁴, *kjvat* то же (Kott. Dod. k Bart. 48), производное *kyvu* pl. 'небольшое устройство (mala snovadla) для отматывания нити с мотка'⁵, словин. *hivac* 'качаться' (Lorentz Sl. Wb. II, 1248). Слав. **kyvati* имеет структуру итератива, производного от глагола с гласным в степени редукции, — **kъvati* (Фасмер II, 228). По данным Пражского словаря старославянские памятники не содержат глагола **къвати*, но указанием на возможность и реальность этого образования в праславянском служит приведенное Миклошичем позднее ц.-слав. *квати*, *къвати* *movege carut* (Miklosich LP 285). Айтцет-мюллер структурно объединяет слав. *kyjъ*, *kъvati* (< **kū-je-*: **kū-ā-*) с глаголами *bljujъ*, *blъvati*, *pljujъ*, *plъvati*, *kljujъ*, *klъvati*, *žijъ*, *žъvati* в рамках глагольного класса с основообразующими показателями *-je-* в презенсе и *-a-* в инфинитиве⁶. В состав производных глагола *-кыкати*, который в старославянских памятниках выступает только в сочетании с приставками, входит, видимо, и *накыкати*, *-кыкж* 'подавать знак; аппелег', отмеченное однажды в Супрасльской рукописи: *обратикъ са раб(ъ во)жи и накыкжъ ... ѿман'оу. и призьбкжъ и къ себѣ* (SSJ 19, 295: Sup. 554, 29). С глаголами *ккати*, *-ккати* соотносительно рус.-цслав. *кыти* 'кивать' (Срезневский I, стб. 1419; Панд. Ант. XI в., Хр. Георг. Ам.). Это образование может быть понято как непосредственное продолжение одной из ступеней чередования исходного индоевропейского корня с долгим дифтонгом — **kēu*: **kū-*. Но если принять во внимание указанное направление словообразовательных отношений **kъvati* > *kyvati*, то в рус.-цслав. *кыти* допустимо видеть вторичное образование, результат переосмысления структуры основы, переразложения составляющих ее элементов с отнесением корневого *-v-* к суффиксальному показателю: **kyv-ati* > **ky-va-ti*. Ту же корневую морфему **ky-* с последующим экспрессивным преобразованием можно предположить и для чеш. диал. *kujzat se* 'тяжело и плохо идти (о походке людей старых, усталых)'⁷.

На индоевропейском уровне славянскому **kyvati* соответствуют лат. *cēveō*, *-ēre* 'шататься, вилять', а также, возможно, гот. *skēwjan* 'странствовать' в рамках этимологического гнезда с корнем **k'ēu*: **k'ū-* 'шататься, качаться' (Pokorny, I, 595). Приведенные наблюдения позволяют расширить состав этого этимологического гнезда и

включить в число его продолжений не только слав. **kyvati*, но и **kujati*, **kav'ti*, **kъvati* с семантическим развитием 'шататься, качаться' → 'плохо держаться на ногах; дремать' → 'недомогать' и 'уклоняться в сторону' (ср. словен. *skuhati*). В плане семантики типологически сходный случай представляет гнездо слов со слав. **klamati*: ср. с.-хорв. *klāmati* 'качаться, двигаться, шевелиться', словен. *klamāti* 'ходить как во сне; нетвердо ступать; плохо держаться на ногах', польск. стар. *klamać* 'притворяться' и т. п. (ЭССЯ 9, 182). В этимологическом гнезде со слав. **kujati*, **kyvati* на базе основного значения 'шататься, качаться' развивается пейоративное значение 'штатун, бродяга; разгильдяй' и т. п. В таком сугубо уничижительном, бранном смысле употребляются уже упомянутое словен., чакав. *kuja* 'сука', а также рус. диал. калуж. *куява* 'неопрятная, растрепанная, разгильдяй, грязнуха' (Даль² II, 229; Филин 16, 198), чеш. *kujeba* 'шельма, проказник' (Kott I, 839; Machek² 305).

mug-*/mъž-*

В болгарских диалектах несколько обособленное положение занимают дексемы *мужа* = *мижа* 'мерцать'⁸, *замугли се* 'затягиваться мглой'⁹, *мигельж сж* 'покрываться облаками'¹⁰. Эти диалектизмы можно связать чередованием с польск. *mżyc*, чеш. *mžiti* 'моросить', если вслед за Махеком принять исходную форму **mъžiti* (Machek² 386). В отличие от Брюкнера, который восстанавливает для польск. *mżyc* корень *mig-* и предполагает для него совмещение двух значений — 'моросить' и 'мигать' (Brückner 351), Махек не только не смешивает, но, напротив, четко отграничивает указанные западнославянские слова в значении 'моросить' от чеш. *mžiti* 'жмуриться' (ср. далее рус. *мжить* 'щуриться, полудрема', *мжа* 'дремота' — Фасмер II, 617—618), также связанного чередованием гласных с слав. **migъ*, **migati*. Важно еще и то, что Махек исключает для упомянутого чеш. *mžiti* 'моросить' традиционное для него сближение с и.е. **meiǵh-*/**miǵh-*: ср. рус. *мгла*, укр. *мжити* 'моросить', с.-хорв. *мижати* 'мочиться', слав. *mъzga*, далее др.-инд. *mehati* 'мочиться' и т. п. (Фасмер II, 617; Pokorny I, 713). Болгарские диалектизмы интересны тем, что подтверждают возможность существования на славянской почве особой семьи слов, которая в некотором отношении сходна со слав. **mъgla*, **mъžiti*/**mižati*, но имеет существенное отличие в корневом вокализме, которому соответствует другой тип чередования (*u:ъ*) и, следовательно, другой ряд индоевропейских соответствий. Махек сближает чеш. *mžiti* 'моросить' с др.-норв. *mugga* 'шелкий дождь' и таким образом включает его в индоевропейское гнездо с корнем **meug-*/**meuk-*: ср. еще др.-исл. *mygla* 'плесень', др.-англ. *mugen* 'покрываться туманом', н.-в.-нем. диал. *maugel* 'туманный, облачный, сумеречный' и т. п. (Pokorny I, 744). Реконструкция для праславянского языка этимологического гнезда с корнем **mug-*/**mъž-* проясняет генетические связи некоторых сомнительных славянских слов, толкуемых разноречиво, неопределенно

в этимологических словарях. К числу таких трудных слов, допускающих реконструкцию исходного **tug-*, относится кашуб.-словин. *tużawa* 'дождь' (Sychta III, 148), а также словен. *tūža*, *tužava* 'болото', *tužiti* 'быть мягким, сочным' (Pleteršnik I, 621—622), штир. *tūža*, *tūžiti* и названия болотистых мест *Muža*, *Može*, *Mūže* и т. п.¹¹ С принятием исконности аблаутного ряда *u:ž* корневой вокализм так называемых трудных образований получает надежное, твердое обоснование без дополнительных поправок и допущений, как в случае соотнесения с и.-е. **meiǵh-*: **miǵh-* (см. Безлай).

Славянские языки знают другой вариант основы **tug-* с исходом *-zg*. Основа *tuzg-* и связанная с ней чередованием **tъzg-* в рус. *мза* 'гниль, плесень, сырая погода' и *муза* 'лужа; мелкое пересыхающее озеро; пруд; сырая низина, степное озеро'. Традиционное объяснение этих слов, основанное на сближении с греч. *μῶδος* 'сырость, гниль', лтш. *tudas* мн. 'гнилые водоросли', с одной стороны, и др.-в.-нем. *mios*, англо-сакс. *mēos* 'мох', — с другой, сопряжено с трудностями исхода основы (Фасмер II, 617; III, 5). Несколько противоречивое объяснение дает Фасмер для рус. *мза* и производного от него *мозглый* (ср. еще ц.-слав. *мъждикъ tabescens*, *измъждиги* 'ослабнуть, обессилеть'): если для *мза* допускается соотнесение с *муза* и далее словен. *tuzga*, то в случае в *мозглый* это сравнение признается невероятным.

Между тем восстанавливаемый для праславянского параллелизм основ **tug-/tъž-* и **tuzg-/tъzg-* помогает связать в единое целое отношением родства указанные болгарские диалектизмы и рус. *мза*, *мозглый*. К этому же гнезду слов принадлежит и кашуб.-словин. *mězlati* 'размокшая, размякшая (почва, дорога)', *měza* 'грязь на дорогах' < **tuzglъь*, **tuza*¹². В рамках этого гнезда семантические отношения 'влажный, покрытый мглой' — 'болото; плесень; гниль' и 'слабый, хилый' очень прозрачны и не нуждаются в специальном обосновании.

В этом же лексическом гнезде получает объяснение и с.-хорв. *tūkljiv* (Вук, Лица) 'влажный, мокрый; конская болезнь (когда сочится кровь)', которое в литературе относится к изолированным образованиям без славянских соответствий (Skok II, 479). Один из путей преодоления обособленности, изолированности сербохорватского слова — это восстановление для него этимологических связей с чеш. *mlklj* 'сырой', др.-рус. *молокита* 'болото, топь' (< **melk-/mьlk-*, *mьlk-?*)¹³. Традиционно, начиная с Миклошича, с.-хорв. *tūkljiv* сравнивают с лтш. *tukls* 'paludosus', *tūku*, *tukt* 'погружаться в болото' (Miklosich, 204) и помещают в гнездо слов с и.-е. **teuk-* (Pokorny I, 744). Нам представляется, что с восстановлением новых продолжений и.-е. **teug-/teuk-* на славянской почве (ср. чеш. *mžiti*, болг. *мужа* и т. д.) традиционная версия в отношении с.-хорв. *tūkljiv* получает большую убедительность.

В словарном составе южнославянских языков представлена особая лексема **plesmo*, для которой отсутствуют славянские и инославянские соответствия. Ареал этой лексемы ограничен преимущественно западной частью южнославянской языковой области: с.-хорв. *плѣсма* 'моток ниток, пасмо' (Толстой² 604), *plèsmo* 'планка, рейка, узкая дощечка' (RJA X, 53) и словен. *plésmo* 'шина; подъем ноги' (Pleteršnik II, 57). Эти слова, хотя и привлекали внимание этимологов, все же не получили удовлетворительного объяснения. Мацэнауэр производил сербохорватское слово в значении 'планка, дощечка' от корня, который содержит лит. *plišti* scindere, findere, dilacerare (Fraenkel, 619), но это сближение сталкивается с трудностями корневого вокализма и не объясняет в полном объеме семантику южнославянского слова, которое, кроме рейки, дощечки, планки, обозначает еще моток ниток, пасмо. Скок выделяет в составе с.-хорв. *plèsmo* суффикс *-mo* (ср. слав. **pisъmo*) и соотносит корневую часть с слав. **plēsati*, для которого восстанавливается первоначальное значение 'бить; топтать ногами' (ср. *splēsati me muke; da ovu prepuklu sirotinju ne poplešu Turci; silu njihovu desnice tvoje krepostju popleši*) и исходный корень **plet-* 'широкий' (ср. слав. **plesno* < **pletsnā*) с вторичным развитием назального элемента (Skok II, 682). Безлаи¹⁴ по существу принимает идею Скока, подчеркивая, что для указанных южнославянских слов более вероятна связь не со слав. **plesti*, а с лит. *plāsnas* (< **pletsnā*). Большой лексический материал, приведенный Безлаем, не расчленен в словообразовательном отношении, и в одну группу, этимологически трудную, как признает автор, объединяются словен. *plesno*, *plesmo*, *plēst*, -i ж. р. 'плетение; обшивка пресса', *plestrice* 'забор, сделанный из больших досок', а также многочисленные топонимы (ср. *Plesmo*, *Pliesme*, нем. *Plebnitz* и т. п.) с реконструируемым для них первоначальным значением 'забор'. Однако южнославянский материал в формальном и семантическом отношении находится в явном несоответствии с предполагаемой для них исходной основой **plet-* 'широкий'. С.-хорв. *plèsmo*, обозначающее доску, планки и моток ниток, т. е. тот материал, из которого плетут полотно и делают изгороди, семантически четко отграничено от слав. **plesno* 'подошва ноги' и имеет совершенно особую внутреннюю форму, связанную прежде всего с техникой плетения. Более стертую картину находим в словенском языке, где мена *m/n* могла привести к смешению двух близких по форме слов — *plesmo* и *plesno* и растворению первичной семантики *plesmo* в многочисленных семантических производных *plesno*. В общем семантическом содержании, которое характеризует словен. *plesmo/plesno*, можно выделить два ряда значений: 1. 'подошва (ноги); пятка', 2. 'шина; подъем ноги; выступ; обшитая, оплетенная часть пресса'. Словен. *plesmo/plesno* во втором значении точно соответствует основному значению гл. *plesti*, потому что шина — это не что иное, как обруч, который оплетает, обтягивает колесо, а подъем ноги — это место соединения, сплетения голени и стопы (ср. нем. *Spanne* 'подъем ноги' < *spannen*

‘натягивать’). Попутно заметим, что словен. *plesno/plesmo* именно во втором значении, по данным словаря Плетершника, идентично производным от инфинитива *plesti* — *plēst*, *plēsta*, *plestna*, *plestrice*. Можно думать, что имеются вполне реальные основания для выделения самостоятельной словенской лексемы *plesmo*, идентичной с.-хорв. *plesmo*.

Словен. и с.-хорв. *plesmo* образуют узкую изолексу, для которой не прослеживаются продолжения на остальной славянской территории. По всей видимости, это южнославянская инновация, а точнее инновация западной части южнославянских языков. Ю.-слав. **plesmo* — может быть понято как производное с суффиксом *-smo* — **plet-smo*. Тот же тип образований представляют лит. *bėgsmas* ‘бер’: *bėgti* ‘бежать’, *šauksmas* ‘крик, шум’: *šaukti* ‘кричать’ (Słownik prastłowiański II, 13—14). Но возможно и другое объяснение: ю.-слав. **plesmo* содержит фонетический вариант славянского суффикса *-sna*, который, в частности, в составе ст.-прус. *plasmēna* ‘подошва ноги’ (: лит. *plesnà* < **plet-sna*) претерпел то же изменение (Słownik prastłowiański I, 117).

В связи с ю.-слав. **plesmo* необходимо остановиться еще на двух наречных образованиях словенского языка, которые в работах Безлая¹⁵ также объясняются на основе и.-е. **plet-* ‘широкий’. Речь идет о словен. *v óplet*, *v óplat* с общим значением ‘полностью, до дна’ и близких им глагольных образований, выступающих в составе следующих выражений: словен. *midva sva oplēla* ‘мы пропали’ и с.-хорв. *kod nje sam oplēo* ‘пропал’. Безлай замечает, что оба наречия характерны для района Горицы, но при этом выделяет как наиболее активную форму — *v oplēt*. Развивая идею Скока об особой семантике слав. **plēsati* ‘бить’ и его связи с указанным и.-е. **plet-* и далее слав. **plesno*, Безлай реконструирует для праславянского особый глагол, не отмеченный ни в одном из словарей, — **plēsti*, **plētq* с назальным элементом в корне. Словенские наречия с реконструируемой для них исходной формой **^o-plētъ* сопоставляются с лит. *į pleñtą* ‘полностью, до основания’, родственным *pleñtas*, *plēnta* ‘дно, основание’. Простой корень без назального элемента в лит. *platùs* ‘широкий’, *plēsti*, *plīsti* ‘распространять, расширять, растягивать’ и т. п. (Fraenkel 606, 617). Интересные и во многом оригинальные идеи Безлая нуждаются в некотором уточнении и частичном пересмотре.

Нам представляется, что словенские наречные образования *v óplet*, *v óplat*, выполняющие сходные функции, имеют иные генетические истоки. Наречие *v óplet*, вопреки Левстику, по причине фонетического характера не имеет, видимо, ничего общего с нем. диал. *ablecht* ‘прочь’. А в отношении наречия *v oplāt* остается справедливым замечание Миклошича о том, что эта форма не могла развиваться из сочетания *ob tla* (Miklosich, 249). Анализ материала показывает, что оба наречия, выступающие в составе связанных сочетаний, застывших выражений, не утратили еще своей первоначальной семантики, хотя в значительной степени стертой и видоизмененной. Словенские наречия сохраняют следы исконной связи с славянским глаголом **plesti*. В застывших выражениях с наречием *v oplēt* с общим значе-

нием 'все кончено; все пропало' (ср. *bil je oplet, oplet je ž njim*) мы имеем дело с переносным употреблением глагола *oplesti*: 'оплести, опутать' > 'попасть в переплет', 'оказаться в трудном положении' > 'пропасть', 'покончить с чем-то'. Наречие *v óplat* (ср.: *kupčija je v óplat* 'с торговлей все кончено', *v óplat vreči* 'бросить на землю' — *Pleteršnik* I, 835) также, видимо, может быть помещено в гнездо глагола **plesti*. В рамках этого гнезда словен. *oplat*, как и соотносительное с ним слав. **platъ* 'ткань, материя', связаны количественным чередованием с слав. **plotъ*. Самую тесную связь с этим славянским термином плетения обнаруживают словен. *v óplet, v óplat* в значении 'до дна; до основания; полностью'. Славянские термины ткачества, производные от глагола **plesti*, сохраняют еще старое значение 'основа, самое основание': ср. рус. сиб. *племѣнь* 'о с н о в а для тканья на ручном ткацком станке'¹⁶; о с н о в а холста (Новосиб. словарь, 390); урал. о с н о в а для тканья'¹⁷, новосиб. *оплѣтина* 'нижний основной ряд плота, на который накатываются другие бревна' (Новосиб. словарь, 355) и т. п. Значение 'до конца; полностью' предопределено и сочетанием с приставной *o-* (< *ob-*). В отглагольные образования **ob-pletъ, *ob-plotъ* приставка *ob-* привносит оттенок полного завершения действия, полного охвата действия по всему кругу: ср. с.-хорв. *òplet* 'вышивка или тесьма по краю платка', чеш. *oploteň* 'дощатая ограда'.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что южнославянское **plesmo* и чисто словенское (*v*) *óplet, (v)* *óplat* родственны, но это родство основано не на индоевропейском корне **plet-* 'широкий', а на соотносительности со славянским глаголом **plesti*. По всей видимости, это поздние диалектные образования, построенные по активным словообразовательным моделям, в рамках этимологического гнезда со слав. **plesti*.

**pǫkati, *pǫčiti, *pěčiti*

Праславянские образования с основой **pǫk-*, **pǫč-* (ср. рус. *пукать* 'лопаться', *пучить*, словен. *pǫkniti, pǫčiti* 'трещать, извергаться' и т. п. — Фасмер III, 404), звукоподражательной по происхождению, были втянуты в сферу апофонических отношений, и в соответствии с продуктивной моделью чередования *e:o* сложилась, как можно думать, основа с корневым *e* — **pǫk-/ *pěč-*. Отражение этой основы можно видеть в с.-хорв. *pěčiti se, pěčim se* 'важничать, куражиться', *pěčiti se* (Белла, Стулли) 'жеманно идти, франтить' (RJA IX, 473), *napěčiti se* 'разукраситься', *korěčiti* 'кичиться, держаться надменно, заносчиво' (Skok II, 628; Дубровник, Стулли), а также в чакав. *pěčit se, pěčim se* 'гримасничать' (Хвар), *napěčit se, napěčim se* то же (Брач) (Hraste — Šimunić 617, 788). Скок толкует с.-хорв. *pěčiti se* как экспрессивный глагол, результатом преобразования которого (*p > b*) явилось *bečiti se, bekeljiti se* 'гримасничать, таращить глаза'. Некоторые структурно-семантические особенности с.-хорв. *pěčiti se*, в частности наличие приставки *ko-*, говорят о раннем включении этого образования в аблаутные отношения. Семантика этого глагола ('важничать; гримасничать' и т. п.) предстает как производная от основного значения

**pečiti* 'вздымать, вздуть' (ср. рус. *пучить*). Экспрессивное с.-хорв. *pečiti se* является локальным образованием, но не исключено, что в соответствии с указанной моделью сложилось и рус. диал. псков., твер. *напѣчить* 'наготовить', *пѣчить* 'давать что-либо', *уплкать* 'ввести кого-либо в беду, в неприятность' (Доп. к Опыту, 133, 223, 281), брян. *пѣкать* 'падать, ударять' (Расторгуев, 223).

**kujъ*, **kuja*

Эти образования, производные от основы настоящего времени гл. **kovati*, **kujъ* и сохраняющие семантическую близость с исходной основой, представляют многие славянские диалекты: словац. *kuja* 'палка, на которую опираются при ходьбе'¹⁸, *kujana* 'палка для отбивания косы'¹⁹, чеш. устар. *kujatko* 'наковальня'²⁰, кашуб.-словин. *kujon* 'дятел; деревянная обувь' (Sychta II, 289). В этом же ряду должно получить объяснение и с.-хорв. *kūja* (Лика) 'вид полена, скалка, рубанок; жердь в ткацком станке; небольшой складной нож; деревянные ножны' (Жумберак) (Skok II, 224), которое Скок, ничем не мотивируя, производит от *kuljati* 'с трудом резать' (ср. хорв.-кайк. *kuljica* 'пастушеский нож'). Непосредственная связь с гл. **kovati*, **kujъ* объясняет семантику сербохорватского слова: 'ковать' > 'устройство для отбивания косы' > 'рубанок; палка'. Таким образом, в рамках этимологического гнезда со слав. **kovati*, **kujъ* наряду с общеславянским **kujъ* (с удлинением гласного в корне) представлен славянский диалектизм **kujъ*, **kuja*, сохраняющий огласовку основы настоящего времени.

**tulъ*, **tylъ*, **tvelъ*

В словарном составе словенского языка выделяют особую лексическую группу с корневым *tul-* и общим значением 'очесы; грубая пряжа': *túle*, *túlje*, *túlje* мн. ч. 'грубая пряжа с очесами; очесы', *túljev*=*tulov* прил.: *tuljeva preja* 'плохая, слабая пряжа', *tulova srajca*, *túlji* мн. ч. 'самая плохая, грубая пряжа', *tulova* ж. р. 'очесы', *tuljeva*, *tuljava* 'грубая пряжа' (Pleteršnik II, 702). Миклошич оставляет словенские слова без объяснения, лишь указывая на возможность родства с рус. *вотолый*, *вотола* 'грубая пеньковая или льняная ткань' (Miklosich 365), но для русского слова предполагается иноязычный источник (Фасмер I, 358), поэтому в данном случае едва ли можно говорить о словенско-русском соответствии. Безлая объясняет словен. *túle*, *túlje* через преобразование слав. **stьbolъ* (ср. рус. *ствол*) и в ряде продолжений этой основы видит особую семантическую близость у словен. *tule*, *svolína* 'вид цуката' и ц.-слав. *стволице* 'крапива' (Bezlej. Eseji 82). В объяснении Безлая заложено допущение для словенского языка фонетического и семантического расщепления единого слова, которое в форме *stvdl* выступает в своем основном значении 'ствол', а в форме *túle*, *túlje* и т. п. обозначает плохую пряжу. Но в работе Безлая это допущение остается нераскрытым и неаргументированным.

На наш взгляд, словен. *túle*, *túlje* имеет иные этимологические истоки. Обращение к славянскому материалу, особенно диалектному, показывает, что словенские слова отнюдь не изолированы, не обособлены в составе славянской лексики. Напротив, словенская группа слов, которую может дополнить образование с приставкой *pa-* *patúlječek* 'стебельки без листьев, используемые для настила постели' (Pleteršnik II, 14; Бела Крайна), входит в ряд соответствий, образуемый болг. родоп. *тулица* 'многолетнее трубчатое растение с серыми мелкими листьями и желтыми цветами, идущее на изготовление метлы'²¹, с.-хорв. *ту́лај* 'кукурузный стебель' (Толстой², 960), рус. брян. *тулейки* 'лыко для плетения лаптей' (Расторгуев, 263). Общей особенностью приведенных славянских диалектизмов является то, что они обозначают волокнистые, трубчатые стебли, которые после первичной обработки дают грубое сырье. Этот основной семантический признак ('трубчатые, полые стебли') позволяет ввести славянские диалектизмы в этимологическое гнездо слав. **tulъ* 'трубка; полый цилиндр'. В широком семантическом содержании этой славянской основы можно выделить несколько линий, ответвлений от этого основного значения: 1. 'колчан; вместилище для стрел' (Фасмер IV, 117)²², 2. 'втулка, затычка' (ср. рус. *тулка*, *втулка* — Даль² IV, 441), 3. 'корзина, капкан' (ср. с.-хорв. *tučac*, словен. *túlec*, болг. родп. *па-тули*²³), 4. 'углубление, впадина' (ср. словен. *túlec* 'ущелье', рус. забайк. *ту́лин* 'долина в пади'), 5. 'часть самопрялки' (ср. рус. полесск. *ту́лка* 'кусочек кожи с отверстием, через которое проходит спряденная нить, прежде чем она попадает на шпулю'²⁴, словен. *túlovka* 'die Spindelröhre, die Spuldille am Spinnrad') и т. п. Этот ряд продолжений слав. **tulъ* с вторичной, производной семантикой дополняет и расширяет, в частности, словен. *túle*, *túlje* 'грубая пряжа; очесы'.

В словаре Даля объединяются как генетически тождественные *тул* и *туловище*, что, видимо, не лишено оснований. В объяснении Даля *туловище* как обозначение торса, тела человека предстает как семантически и морфологически производное от *тул*, *туло*: рус. *ту́ло*, *ту́лово*, *ту́ловище* 'тело, торс, туша, стяг; тело без головы, без рук и без ног, кроющее (*тулящее*) в себе полости: грудную, брюшную и тазовую, со всеми черевами их' (Даль² IV, 441). Отмеченное в сербохорватском *tulina* обозначает тело (животного, пейор. человека) и внутренности, требуху (RJA 18, 902; Средняя Далмация), т. е. то, что укрыто, закрыто. Отсюда прямая связь с гл. **tuliti*, для которого Даль разграничивает исконное значение 'прятать, укрывать' и вторичное 'гнуть, сжиматься', развившееся в приставочных образованиях: ср. рус. *тулить* 'укрывать, прятать, закрывать', с.-хорв. *ту́лити* 'тушить, гасить', словен. *túliti* 'сжимать, прижиматься' и т. п. (Фасмер IV, 117; Skok III, 520—521). Как видим, имеются серьезные основания считать слав. **tulovišče* исконным словом, а не заимствованием, как думал Миклошич (Miklosich, 365; Фасмер IV, 118).

Слав. **tulъ* обычно сопоставляют с др.-инд. *tānah* 'колчан для стрел', греч. $\omega\lambda\acute{\eta}\nu$ (<**tūōl-*) и возводят к и.е. **toul-/tūōl-* 'труба'

(Фасмер IV, 117)²⁵, которое является составной частью этимологического гнезда с корнем **teu-*, **teca-*, **tū-* 'пухнуть' (Роконгу I, 1080). К этому же гнезду слов принадлежит и слав. **tylъ* 'затылок', которое считают производным от гл. **tyti* 'толстеть, тучнеть' (Фасмер IV, 131). Однако обращает на себя внимание тот факт, что в ряде славянских диалектов слово **tylъ* выступает в той же функции, что и **tulъ*, **tulovišče*. Показательны в этом отношении в.-луж. *tyl* 'затылок' и *tylow* 'туловище', *tylowa* 'колчан' (Трофимович, 333), укр. *тил* 'задняя часть, сторона ч.-л.', 'приклад', *тило* 'тыл, хребет, спина' и *тилінка* 'род открытой свирели из бузины или вербы, без боковых отверстий' (Грищенко IV, 260). Частично слав. **tulъ* совмещает в себе значения, характерные для **tylъ*, об этом свидетельствует блр. могил. *тул* 'тыл, зад' и *тулува* 'туловище' (Слоўнік. Магіл, 447).

Славянские языки сохранили, по всей видимости, и другой апофонический вариант основы **teca-*, а именно **tuel-*. Отражением его с большой долей вероятности можно считать кашуб.-словин. *twela*, 'толстая ветка, отросток, побег, сильно вытянувшийся без солнца' (Sychta V, 415).

- 1 Картоoteca Словаря брянских говоров. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена.
- 2 Картоoteca Псковского областного словаря (Межкафедральный словарный кабинет филол. фак-та ЛГУ).
- 3 Прокопенко В. А. Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, 430.
- 4 Gregor A. Slovník nářečí slakovsko-bučovického. Praha—Brno, 1959 (= Spisy University v Brně. Filosofická fakulta, 59), 75.
- 5 Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6), 175.
- 6 Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Monumenta linguæ slavice. T. XII. Fr. iburg, 1978, 211—212.
- 7 Hruška J. F. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907 (= Archiv pro lexikografii i dialektologii, číslo 7), 48.
- 8 Кичеев И. Говорят на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV, 119.
- 9 Евстатиева Д. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 174.
- 10 Гжлюв П. От Търново. — СбНУ XVI/XVII, ч. II, 404.
- 11 Bezljaj F. Slovenska vodna imena, II. Ljubljana, 1961, 20—21.
- 12 Варбот Ж. Ж. Кашубские этимологии. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1977. М., 1979, 276—277.
- 13 Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка, II. — В кн.: Этимология. 1971. М., 1973, 47—48. Примечание 53; Она же. Этимологические заметки по славянской лексике. VIII. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, 35—38.
- 14 Bezljaj F. Slovenska vodna imena, II, 96—97.
- 15 Bezljaj F. Na robu srbohrvatskega (in slovenskega) etimološkega slovarja. 10. Sln. oplet, oplat in sbh. poplesati. — JiS XVIII, 7—8, 1972—73, с. 284; Idem. Etyma slovenica. — Razprave SAZU 2, VII, 172—173; Idem. Рен.: P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. druga: K — poni. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 182.
- 16 Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, 85.
- 17 Варбот Ж. Ж. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 62—63.

- ¹⁸ Картотека Словацкого диалектного словаря Ин-та языковедения им. Л. Штура. Братислава.
- ¹⁹ *Kádal M. Slovenský slovník z literatúry aj nářečí*. Banská Bystrica, 1924, 282.
- ²⁰ *Gregor A. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického*, 84.
- ²¹ *Стойков Ст.* Родопски речник. — БД II, 218.
- ²² *Одинцов Г. Ф.* Из истории названий *тул, колчан, сайдак* (и его вариантов) в русском языке. — В кн.: *Этимология*. 1973. М., 1975, 98—101.
- ²³ *Стойков Ст.* Родопски речник. — БД V, 196.
- ²⁴ *Владимирская Н. Г.* Полесская терминология ткачества. — В кн.: *Лексика Полесья*. М., 1968, 274.
- ²⁵ Майрхофер ставит под сомнение сопоставление рус. *тул* с др.-инд. *tūrah*, которое, по его мнению, не имеет удовлетворительной этимологии (Mayrhofer 7, 518).

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XI*

(**lybnqti*, **těr()ati*, **тыpati*, **vьrskuti*, **mєsnqti*)

**lybnqti*

Глагольная группа *улыбаться, улыбнуться, лыбить(ся)* традиционно рассматривалась в этимологических исследованиях как собственно русская (Miklosich, 177; Berneker 751; Преображенский, 482). Только в русском переводе словаря Фасмера добавлено О. Н. Трубачевым в статье *улыбаться* еще болг. диал. *улипка* (Фасмер IV, 160). Публикации болгарских диалектных лексических материалов позволяют увеличить число болгарских соответствий: ср. *либѣтъ съ* 'легкомысленно смеяться'¹. Уже эти материалы свидетельствуют о большей древности глаголов с корнем *lyb-*, нежели собственно история русского языка. Очевидно, возможен их праславянский генезис.

Дальнейшее расширение круга инославянских соответствий для группы русск. *улыбаться — улыбнуться* взаимосвязано с этимологическим истолкованием ее. Собственно, существует несколько толкований, и Фасмер, приведя их, определил эту лексическую группу как этимологически неясную (Фасмер II, 539). К числу неубедительных Фасмер отнес при этом и предложенное Бернекером сближение с *луб*, предполагающее исходную семантику 'раздирать' → 'разевать (рот)' (Berneker I, 751). В русском переводе словаря Фасмера О. Н. Трубачев добавил, как наиболее естественное, объяснение, предложенное П. Я. Черных: *улыбаться* родственно *льб* > *лоб*, с первичным значением 'скалить зубы, как череп'² (Фасмер II, 539). Вследствие родства слав. **либъ* и **льбъ* две последние версии по существу тождественны, различия касаются лишь толкования первичной семантики глагола *улыбаться*. Хотя морфоно-